

Научная статья

УДК 81'42

doi: 10.47475/1994-2796-2023-476-6-135-143

ЛИНГВОЭКОЛОГИЯ СОВРЕМЕННОГО ПЕРЕВОДЧЕСКОГО ДИСКУРСА

Виктория Николаевна Карпухина^{1✉}, Светлана Анатольевна Осокина²,
Елена Александровна Савочкина³

^{1,2,3} Алтайский государственный университет, Барнаул, Россия

¹vkarpuhina@yandex.ru, ORCID: 0000-0003-0145-1906

²osokina@filo.asu.ru, ORCID: 0000-0002-9480-1364

³savochkina71@mail.ru, ORCID: 0000-0002-1257-9350

Аннотация. Статья посвящена аксиологической проблематике дискурса переводчика-постмодерниста в лингвоэкологическом аспекте. Объектом исследования является современный переводческий дискурс, предмет исследования — изменения лингвоаксиологической шкалы субъектов данного дискурса в парадигме постмодерна, отражающиеся в языке (стратегия «текстлифтинга»). В качестве материала выступают современные переводы англоязычных художественных текстов на русский язык. Основная задача статьи — выявление аксиологических констант и их лингвоэкологического статуса в современном переводческом дискурсе, в том числе в ситуациях политкорректности. Лингвоэкологическая проблематика постмодернистского переводческого дискурса связана, во-первых, с современной глобальной и демократичной тенденцией к сохранению аутентичного звучания оригинала в отношении стиля и используемой лексики, а во-вторых, с некоторым снижением требований к переводческой этике и эстетике в рамках постмодернистского дискурса. Переводческая этика в подобных ситуациях зачастую подчинена постмодернистской антиэстетике, бросающей вызов фундаментальным принципам классической школы советского перевода.

Ключевые слова: переводческий дискурс, постмодерн, политкорректность, лингвоаксиология, лингвоэкология

Благодарности. Исследование поддержано средствами программы развития ФГБОУ ВО «Алтайский государственный университет» «Приоритет-2030».

Для цитирования: Карпухина В. Н., Осокина С. А., Савочкина Е. А. Лингвоэкология современного переводческого дискурса // Вестник Челябинского государственного университета. 2023. № 6 (476). С. 135–143. doi: 10.47475/1994-2796-2023-476-6-135-143.

Original article

LANGUAGE ECOLOGY OF CONTEMPORARY TRANSLATOR'S DISCOURSE

Viktoriya N. Karpukhina^{1✉}, Svetlana A. Osokina², Elena A. Savochkina³

^{1,2,3} Altai State University, Barnaul, Russia

¹vkarpuhina@yandex.ru, ORCID: 0000-0003-0145-1906

²osokina@filo.asu.ru, ORCID: 0000-0002-9480-1364

³savochkina71@mail.ru, ORCID: 0000-0002-1257-9350

Abstract. The paper considers the axiological problems of postmodern translator's discourse in the aspect of the ecology of language. The object of the study is the contemporary translator's discourse, its subject is the changes in the axiological linguistic scale of this discourse in the postmodern paradigm, reflected in the language (the “text lifting” strategy). The material under consideration is the contemporary translations of the English literary texts into Russian. The paper aims at the revealing of the contemporary translation discourse axiological constants and their linguistic ecology status in the contemporary translator's discourse, including the situations of political correctness. The linguistic ecology problems of the postmodern translator's discourse are connected, firstly, with the contemporary global and democratic tendency to transfer the authenticity of the source text, its style and

lexis, and secondly, with a decrease in the standards of translation ethics and aesthetics. Translation ethics in such situations is often subordinated to postmodern anti-aesthetics, which challenges the basic principles of the classical Soviet translation tradition.

Keywords: a translator's discourse, postmodernism, political correctness, axiological linguistics, ecology of language

Acknowledgments. The reported study was funded by the program "Priority 2030" of Altai State University.

For citation: Karpukhina VN, Osokina SA, Savochkina EA. Language ecology of contemporary translator's discourse. *Bulletin of Chelyabinsk State University*. 2023;(6(476)):135-143. (In Russ.). doi: 10.47475/1994-2796-2023-476-6-135-143.

Введение

В статье рассматриваются аксиологические константы и их лингвоэкологический статус в коммуникативных ситуациях современного переводческого дискурса, в том числе в ситуациях политической корректности.

Лингвоэкология, или эколингвистика, — относительно новое направление языкознания, представляющее собой междисциплинарную область исследований, рассматривающих функционирование языка в целом и его отдельных проявлений с точки зрения взаимодействия со средой. При этом в качестве среды для определенного языка могут выступать как системы других языков, так и внешние экстралингвистические факторы, в том числе социального и культурного характера. А. П. Сковородников полагает, что экологическая «среда обитания» языка воздействует «на языковое сознание социума и, как следствие, на язык и его речевую реализацию» [12. С. 207]. Лингвоэкологическая проблематика находит свое отражение и в аспекте теории перевода. В данном случае тексты оригинала и перевода рассматриваются как целые взаимодействующие языковые экосистемы [10. С. 61], предметом исследования является «функционирование текстов оригинала и перевода в их природном, культурном, социальном окружении» [9. С. 72]. Изучение переводческого дискурса в аспекте лингвоэкологии на сегодняшний день становится актуальным в ситуациях исследования политкорректного языка (см.: [5–7; 21; 22]).

Лингвоэкологические проблемы, связанные с функционированием современного переводческого дискурса, уместно рассматривать в контексте процессов глокализации, которая определяется как «процесс трансформации локального и глобального вследствие их взаимодействия» [1. С. 105]. В языковом плане глокализацию можно рассматривать как столкновение специфических систем и словарного состава национальных языков в процессе их глобального

взаимодействия. Коммуникативные ситуации глокализации в рамках постмодернистского переводческого дискурса характеризуются на данном этапе развития следующей тенденцией. Русскоязычные переводчики, имея за плечами великую советскую школу перевода, перестали использовать «сглаживание» и типичный для упомянутой школы корректный язык и стали воссоздавать по мере возможности те формы выражения, которые сами англоязычные авторы в целом вполне приемлют. Они пытаются следовать современной глобальной и демократичной тенденции к сохранению аутентичного звучания оригинала, в особенности в отношении стиля и используемой лексики.

Однако еще В. Н. Комиссаров отмечал, что несовпадение особенностей аналогичных стилей в языках оригинала и перевода оказывает влияние на процесс перевода и проявляется в получающемся в результате тексте, что ведет к предъявлению особых требований к работе переводчика, а именно: «Если какие-то особенности обнаруживаются только в одном из языков, то при переводе происходит своеобразная стилистическая адаптация: специфические средства изложения в оригинале заменяются языковыми средствами, отвечающими требованиям данного стиля в ПЯ» [8. С. 126–127].

В частности, данные проблемы касаются передачи при переводе лексических единиц, относящихся к разговорной речи, а также единиц, маркированных как грубо-просторечные, сленговые и т. п. Проблемы лингвоэкологического порядка могут возникнуть также при передаче в переводе речевых штампов с идеологическим смыслом (лексики, употребляющейся в текстах преимущественно пропагандистского характера, связанных с вопросами расовой, национальной, религиозной, социальной, гендерной и иной тематики). Проблема состоит не только во введении нового понятия, набирающего значимость с точки зрения глобальных процессов, в национальный обиход, но и в приспособлении новой

лексемы к грамматическому строю и узуальным контекстам употребления в рамках национального языка. В отличие от традиционных вопросов адаптации заимствованных слов, в ситуации с передачей новых идеологем внимание уделяется и прагматическим — в частности, аксиологическим — аспектам функционирования новых слов, поскольку достаточно часто вводящиеся идеологические речевые штампы используются в качестве манипулятивных инструментов воздействия на потенциальную аудиторию.

Явление политической корректности языка, проявляющееся в «стремлении найти новые способы языкового выражения взамен тех, которые задевают чувства и достоинства индивидуума» [14. С. 215], изначально выступало в англо-американской культуре как маркер лингвоэкологического подхода к коммуникации. Но постепенно политически корректная лексика и «феминистически верные» грамматические конструкции стали использоваться авторами парадигмы постмодерна как средство создания иронического эффекта текста. В частности, многие современные исследователи политкорректного дискурса соотносят его с инструментом манипулятивного воздействия на аудиторию и «языком неискренности» (см. [18. Р. 167; 15. С. 31; 21]).

Постмодернистский переводческий дискурс в ситуации политкорректности

Лингвоэкологической проблемой переводческого дискурса является «отсутствие точных и закрепленных в русскоязычном узусе эквивалентов английской политкорректной лексики (в частности, идеологических речевых штампов)» [7. С. 223]. В постмодернистских «Политически корректных сказках на сон грядущий» американского журналиста и прозаика Дж. Ф. Гарнера встречается достаточно большое количество иронически переосмысленных терминов, заимствованных из современного публицистического политкорректного дискурса. Возможно, это стало одной из причин того, что данные сказки все еще полностью не переведены на русский язык, имеется лишь несколько выборочных переводов (подробнее см.: [7]). Некоторые из использованных Гарнером терминов политкорректного дискурса вошли не так давно в русскоязычный узус (лексемы *сексист*, *лукист*, *расист*, *националист*, *этноцентрист*). Поскольку и в английском языке, который можно признать локомотивом по введению новой политкорректной лексики, такие слова, как *culturalist*, *ableist*, *sizeist*, *speciesist*, *heteropatriar-*

chalist и им подобные, являются редко употребляемыми и не зафиксированы в словарях (некоторые из них существуют только как авторские неологизмы), поиск или изобретение их русских эквивалентов становится весьма трудной задачей.

Сложности в передаче безэквивалентной лексики политкорректного дискурса не дают возможности Сергею Сивко перевести, к примеру, следующий фрагмент из переписанной в политкорректном ключе «Красной Шапочки» Дж. Ф. Гарнера: *Red Riding Hood said, "Oh, I forgot you are as optically challenged as a bat. Grandma, what big eyes you have!"*¹ — «О, прости, я ведь забыла, что ты видишь не лучше летучей мыши, — сказала Красная Шапочка. — Бабушка, какие у тебя большие глаза!»².

Политкорректная коллокация *optically challenged* («с проблемами в области зрения») не имеет абсолютно адекватного аналога в русском языке, и переводчик избегает ее в русскоязычном тексте. Более того, неадаптированное англоязычное сравнение слабовидящего человека с *летучей мышью*, дословно переданное на русский язык, еще больше усиливает комический эффект и создает эффект остранения переводимого текста.

Лингвоэкологическое равновесие политкорректного дискурса английского текста восстанавливается Гарнером в ситуации саркастической интерпретации идеологических политкорректных клише, которые перемещаются в контекст прецедентных сказок для детей. В лингвоэкологическом плане внутри английского языка в данном случае реализуется ситуация интердискурсивного переключения: происходит перемещение лексем из разных видов дискурса (феминистского, политического и других) в нехарактерную для них языковую среду, благодаря чему иначе интерпретируются их особые политкорректные коннотации. Проблемы возникают, когда данные, в сущности, локальные для англоязычного дискурса особенности употребления языковых выражений трансформируются в глобально значимые вопросы, и возникает проблема передачи соответствующего содержания в языках, в которых в силу экстралингвистических факторов соответствующие виды дискурса

¹ Garner J. F. *Politically Correct Bedtime Stories: Modern Tales for Our Life and Times*. New Jersey, 1994. URL: <https://bbs.pku.edu.cn/attach/85/31/8531ff112a962431/politically%20correct%20bedtime%20stories.pdf>

² Здесь и далее перевод С. Сивко (под ред. А. Олексенко) цитируется по: Гарнер Дж. Ф. Политически корректные сказки на ночь. URL: <https://q-lab.livejournal.com/1464.html#cutid1>

(например, феминистский, антирасистский) развиты в гораздо меньшей степени.

Несовпадение экосистем разных языков проявляется в отсутствии языковых эквивалентов в языке перевода и необходимости прибегать к использованию переводческих трансформаций и приема компенсаторной замены при переводе текстов на другой язык. Подчеркнем, вопросы перевода безэквивалентной лексики и использования переводческих трансформаций в лингвоэкологическом ключе рассматриваются не просто с позиций отличия в словарном составе и структуре языков перевода и оригинала, но с гораздо более масштабных позиций. В частности, отсутствие русских эквивалентов для английских политкорректных выражений может быть обусловлено целым комплексом взаимосвязанных исторических, культурных, социальных, национальных, психологических, идеологических и многих других факторов, так что речь должна идти о комплексной экологической системе, влияющей на употребление языка, а не каком-либо из данных факторов в отдельности. Достаточно часто при передаче текста того или иного стиля с одного языка на другой происходит адаптация его стилистических характеристик [8. С. 125–127]. Наблюдения над различиями в текстах газетно-информационного стиля в английском и русском языках, сделанные В. Н. Комиссаровым, могут быть экстраполированы и на ситуации художественного перевода, поскольку и политически корректная лексика, и грамматика как коммуникативное явление были в свое время заимствованы в художественный дискурс из публицистического.

Лингвоэкология постмодернистского переводческого дискурса

Глокализация текста — одновременная отсылка к глобализационному контексту и контексту местных, локальных культур — восстанавливает лингвоэкологическое равновесие и в переводе неполиткорректной сказки Джеймса Финна Гарнера «The Three Little Pigs»¹. Персонажи данной сказки пытаются активно противостоять агрессии мирового империалиста — волка и отстаивают свои права на свободу и независимость в рамках идеологием постколониального дискурса в соответствии с основными принципами защиты прав и свобод ВІРОС (Black, Indigenous, People of Color). Однако в переводе на русский

¹ Ефременко Д. В. Глокализация // Большая российская энциклопедия — электронная версия. URL: <http://dev.bigenc.ru/sociology/text/2364647>

язык данной сказки С. Сивко и А. Олексенко осуществляют прагматическую компенсацию, меняя англоязычные политкорректные формулы на пародируемые клише советского идеологического дискурса (*свобод душитель; проклятый империалист; песня солидарности юных свиной*)². «Эмоциональная обусловленность ценностей базируется на переживаемой системе культурных приоритетов, а поступки вписываются в стереотипные действия, принятые в соответствующем обществе» [4. С. 8]. В данном случае мы наблюдаем реализацию таких установок переводческого дискурса парадигмы постмодерна, как антиосновность и антиреализм.

Восстановление лингвоэкологического равновесия в англоязычных текстах Гарнера наблюдается вследствие намеренного помещения устойчивых формул политкорректного дискурса ВІРОС в «чужой» жанровый контекст — контекст детских сказок, за счет чего происходит определенное остранение смысла этих устойчивых формул, и текст производит комический эффект. В рамках русскоязычного переводческого дискурса переводчики-постмодернисты для усиления комического эффекта текста используют не только приемы реконтекстуализации, но и прием намеренного нарушения лингвоэкологического баланса текста. Нарочитое столкновение разностилевых лексических единиц в тексте, использование просторечия и жаргонизмов с негативными коннотациями принципиально меняет оценочную окрашенность стилистически нейтральных фрагментов в текстах Гарнера: *Услыхав вдохновенную речь Красной Шапочки, бабушка выскочила из пасты Серого Волка, схватила принадлежащий дровосеку топор и снесла ему башку нафиг; Изрядно напуганные поросята ломанулись к домику, сделанному из прутьев; волк погнался следом, практически наступая им на пятки*³ и пр.

Подобное снижение стилистического регистра текста для достижения контакта с определенной частью аудитории — одна из характеристик постмодернистского переводческого дискурса, связанная с современной глобальной и демократичной тенденцией к сохранению аутентичного звучания оригинала в отношении стиля и используемой лексики. Ср., например, точку зрения на данную проблему, представленную в работе Е. В. Бреуса, который подчеркивает тот факт, что

² Гарнер Дж. Ф. Политически корректные сказки на ночь. URL: <https://q-lab.livejournal.com/1464.html#cutid1>

³ Там же.

в русском и английском языках коммуникативная установка убеждения достигается по-разному: с помощью риторического возвышенного тона в русском языке и «путем установления личных доверительных отношений с Получателем» в английском языке [2. С. 52].

Социальная оценка фактов использования сниженного стилистического регистра речи в современном переводческом дискурсе связана с этическим и эстетическим критериями оценки качества перевода. В ситуациях возникновения новых переводов вместо уже имеющихся, ставших прецедентными, переводчики-постмодернисты зачастую идут на сознательное нарушение этических и эстетических традиционных критериев качества перевода. Подобное нарушение лингвоэкологического баланса переводческого дискурса направлено, как представляется, на формирование новых, более демократичных норм переводческой речи, на признание новой этики перевода (ср. идею Ж.-Ф. Лиотара о том, что постмодерн — это все, что в модерне является самым раздражающим, что отвергает все традиции хорошего вкуса [20]). С другой стороны, перед нами вновь тенденция к достижению наибольшей аутентичности переводного текста — в частности, в плане приближения к разговорному речевому регистру в противоположность принятому в классической советской школе перевода «сглаживанию» речевых характеристик персонажей художественных текстов (намеренная элиминация сленгизмов, диалектизмов, грубо-разговорной лексики из текста перевода).

Современная тенденция, направленная на достижение большей аутентичности, может быть проиллюстрирована, например, появлением новых переводов детской литературы, выполненных с учетом современной гендерной проблематики («Книга Джунглей» Р. Киплинга, «Винни-Пух» А. А. Милна и др.); новых переводов классики и беллетристики, созданных в соответствии с аксиологическими нормами соблюдения прав ВПСОС (переписанные в русле идей политической корректности «Сказки дядюшки Римуса» Дж. Харриса, «Десять негритят» А. Кристи и др.). Хотелось бы заметить, что идея о возможности нарушения классических постулатов теории перевода не так уж и нова. Разные авторы называют этот процесс и его результат по-разному. Так, П. Еропкинский в статье «Текстлифтинг: больше, чем перевод» высказывает мысль о том, что язык перевода какого-либо произведения, выполненный полвека назад, несомненно, ближе к тексту ори-

гинала, но дальше от того языка, который является привычным современному молодому читателю. П. Еропкинский пишет о том, что переводы авторов прошлого надо выполнять заново для каждого нового поколения. Такой перевод автор статьи называет «текстлифтингом» [3. С. 75]. Подобной точки зрения придерживается и современный французский переводовед Антуан Берман [19. Р. 1–2].

Смена основных аксиологических приоритетов влечет за собой лингвоэкологические изменения текстов, приводящие к изменениям заглавий и персонажной структуры: в соответствии с основной аксиологической стратегией остранения, используемой, например, В. П. Рудневым, текст его перевода повести Милна озаглавлен «Winnie Пух»; в соответствии с адаптационными стратегиями из текста книги Дж. Харриса изъяты старый негр дядюшка Римус, рассказывающий сказки белому мальчику-плантатору; во французском переводе классический детектив А. Кристи выходит в 2020 г. под названием «Ils étaient dix» («Их было десять»).

В появившихся полемических переводах на русский язык повести Дж. Фаулза «The Ebony Tower» («Башня из черного дерева», пер. И. Бессмертной¹) и романа Дж. Сэлинджера «The Catcher in the Rye» («Ловец на хлебном поле», пер. М. Немцова²) переводчики используют большое количество сленгизмов, жаргонизмов, сниженной и обценной лексики³. Традиционные решения переводчиков советской школы по компенсаторной замене элементов сленга, жаргонов, диалектов элементами разговорной речи и просторечия не кажутся приемлемыми переводчикам-постмодернистам вследствие их стремления к приданию большей точности и аутентичности новым переводам или вследствие их стремления к «текстлифтингу».

Так, например, К. И. Чуковский дает высокую оценку прецедентному переводу текста Дж. Сэлинджера: «Недавно богатыми ресурсами речи порадовала читателей Рита Райт-Ковалева в своем отличном переводе знаменитого романа Джерома Сэлинджера «Над пропастью во ржи» («The Catcher in the Rye»). <...> Рита

¹ Фаулз Дж. Пять повестей: Башня из черного дерева. Элидюк. Бедный Коко. Энигма. Туча: повести. Пер. с англ. И. Бессмертной и И. Гуровой. М.: АСТ, 2004. 444 с.

² Сэлинджер Дж. Д. Ловец на хлебном поле / пер. с англ. М. В. Немцова. М.: Изд-во «Э», 2017. 320 с.

³ Ср. гораздо более экологичные с точки зрения языка классические переводы данных текстов («Башня из черного дерева», пер. К. Чугунова; «Над пропастью во ржи», пер. Р. Райт-Ковалевой).

Райт-Ковалева слегка ослабила грубость его языка, но всю выразительность этого жаргона, всю силу и красочность его попыталась полностью передать в переводе. Здесь она обнаружила такое искусство, какое свойственно лишь первоклассным мастерам» [16. С. 117]. Таким образом, компенсаторные замены элементов молодежного сленга разговорно-просторечными элементами языка оцениваются в традиционной парадигме критики перевода положительно.

Однако в переводе романа Дж. Сэлинджера, который был осуществлен переводчиком-постмодернистом Максом Немцовым, подобная аксиологическая шкала уже не актуальна, и лингвоэкологические требования к переводческой этике и эстетике заметно снижаются. Главным критерием ценности постмодернистского перевода становится его новизна, его полемическая противопоставленность прецедентному тексту перевода: начиная с заглавия («Ловец на хлебном поле»), роман должен быть принципиально иным по сравнению с традиционной версией перевода. Одной из ключевых характеристик постмодерна считается его антиосновность [15. С. 70], и эта характеристика находит свое воплощение в новой аксиологии постмодернистского перевода: он должен быть любой ценой противопоставлен переводам предшествующих эпох. Джордж Стайнер полагает, что, «зано-во переводя классику, всякое поколение — в навязчивом влечении слышать максимально близко и точно эхо минувшего — использует язык для построения своего резонирующего прошлого» [13. С. 66]. Стратегия переводческого «текстлифтинга» этому, безусловно, способствует.

При этом переводчик-постмодернист достаточно часто сознательно ставит перед собой задачу достижения как можно большей точности перевода ненормированной лексики, в отличие от функциональной эквивалентности переводов советской школы¹. Достижение подобной точности перевода подразумевает поиск аналогов для элементов сленга или грубо-разговорной речи в языке перевода: *He's got a lot of dough, now*². — *У него теперь грóшеей много*³. В данном примере переводчик выбирает абсолютно точный эквивалент для англоязычной лексемы из молодежного слен-

га *dough* (*грóшии*). То же происходит и в случаях регулярной передачи М. Немцовым нейтральных лексем *parents* и *brother* с помощью сленгизмов *предки* и *брательник*.

Подобные примеры из текстов современных переводов-реинтерпретаций являются, с одной стороны, маркером новой аксиологии постмодернистского переводческого дискурса. С другой стороны, современная тенденция к большей точности и аутентичности перевода позволяет увидеть речь персонажа Дж. Д. Сэлинджера более приближенной к ее англоязычной версии. Анализ новой релятивной аксиологической шкалы невозможен без рассмотрения вопроса «об этической стороне этапа присваивания в переводе, или, скажем так, „преобразования“» [13. С. 27–28]. Переводчик-постмодернист не хочет более довольствоваться традиционной ролью «прозрачного стекла» в переводе; не устраивает его и принципиально «бессубъектный» взгляд на перевод лишь как на процедуру перекодирования смыслов, свойственный эпохе модерна. Но появление фигуры субъекта-переводчика в дискурсе постмодерна осложняется новой аксиологией, которую он в этот дискурс привносит⁴.

Заключение

Релятивная аксиологическая шкала постмодернистского переводческого дискурса базируется на двух ключевых установках постмодерна: его антиосновности, то есть отказе от фундаментальных принципов предыдущих эпох, и его антиреализме, то есть отказе от допущения, что язык способен точно отражать существующую реальность. Первая из установок реализуется в современном переводческом дискурсе за счет появления новых переводов классических текстов, намеренно противопоставляемых прецедентным текстам переводов (стратегия «текстлифтинга»). Данные переводы могут выполняться с учетом требований современного феминистского дискурса или в соответствии с аксиологическими нормами соблюдения прав ВІРОС, зачастую в ущерб структуре и смыслу текста оригинала. Однако, с другой стороны, новые переводы классики и беллетристики могут быть ориентированы на более явную аутентичность текста и, вследствие этого, на более тесный контакт с аудиторией молодых читателей. Антиосновность постмодерна существенно влияет на желание переводчиков кардинально изменить

¹ Ср. подобную полемическую установку на противопоставление нового перевода старому, ставшему прецедентным, в работе [8].

² Salinger J. D. *The Catcher in the Rye*. St. Petersburg : Anthology, 2004. P. 3.

³ Сэлинджер Дж. Д. Ловец на хлебном поле. С. 6.

⁴ См. также размышления о специфике перевода в эпоху глокализации в работе [17. С. 352–358].

даже заглавие переводимого текста для достижения эффекта большей точности и аутентичности перевода по сравнению с закреплённой в принимающей культуре прецедентной версией: появляются «Winnie Пух», «Ловец на хлебном поле», «*Ils étaient dix*» и т. п.

Лингвоэкологическая проблематика постмодернистского переводческого дискурса связана, во-первых, с современной тенденцией к сохранению аутентичного звучания оригинала в отношении стиля и используемой лексики, а во-вторых, с некоторым снижением требований к переводческой этике и эстетике в рамках постмодернистского дискурса. Переводческая этика в подобных ситуациях зачастую подчинена постмодернистской антиэстетике, бросающей вызов фундаментальным принципам классической школы советского перевода. Следствием этого является применение переводчиками с английского языка на русский компенсаторных стратегий глокализации и «текстлифтинга», работающих, с одной стороны, на сохранение большей адекватности оригиналу, а с другой стороны, на адаптационные механизмы переводного текста, перемещаемого в пространство иной культуры. Например, при передаче на русский язык блестящей пародии Дж. Ф. Гарнера «*Политически корректные сказки на сон грядущий*» в качестве компенсаторных переводческих средств для замещения безэквив-

валентной политически корректной лексики используются либо эмоционально-экспрессивные перифразы, либо пародируемые идеологические клише советского политического дискурса.

Установка постмодерна на отказ от реализма в понимании соотношения языка и объективной реальности, выстраивание дискурсивных практик в зависимости от типа взаимоотношений языка и власти также работает на антиосновность постмодернистского переводческого дискурса. Одной из ключевых лингвоэкологических проблем в данном случае является нарочитое снижение норм русскоязычной переводческой речи из-за тенденции к желанию достичь большей точности перевода: «*Башня из черного дерева*» Дж. Фаулза в переводе И. Бессмертной, «*Ловец на хлебном поле*» Дж. Сэлинджера в переводе М. Немцова, «*Полная иллюминация*» Дж. С. Фоера в переводе В. Арканова и пр. насыщены элементами сленга, грубо-просторечной и даже обценной лексикой. Маркеры новой аксиологии современного переводческого дискурса призваны привлечь внимание аудитории, представить реинтерпретации классических текстов как абсолютно новый коммерческий продукт (стратегия «текстлифтинга») и, как следствие этого, могут оказаться знаком лингвоэкологических проблем, с которыми вынуждена сталкиваться аудитория постмодернистского перевода.

Список источников

1. Бойматов У. Ф. Уровни и формы глокализации в социальном процессе глобализации // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Философия. 2018. № 4 (30). С. 104–110.
2. Бреус Е. В. Основы теории и практики перевода с русского языка на английский : учеб. пособие. 2-е изд., испр. и доп. М. : Изд-во УРАО, 2000. 208 с.
3. Еропкинский П. Текстлифтинг: больше, чем перевод // Мосты. 2015. № 2 (46). С. 75–77.
4. Карасик В. И. Языковые мосты понимания : монография. М. : Дискурс, 2019. 524 с.
5. Карпухина В. Н. Дискурс переводчика-постмодерниста // Ломоносовские чтения на Алтае: фундаментальные проблемы науки и техники — 2018 : сб. науч. статей междунар. конференции. Барнаул, 2018. С. 1952–1956.
6. Карпухина В. Н. Под «Веселым Роджером» постмодернизма: аксиология интертекстов Бориса Акунина : монография. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2020. 148 с.
7. Карпухина В. Н. Функционирование современного переводческого дискурса: лингвоэкологический аспект // Человек и язык в коммуникативном пространстве : сборник научных статей / отв. за выпуск М. В. Веккесер. Красноярск : Сиб. федер. ун-т, 2022. Вып. 13 (22). С. 222–227.
8. Карпухина В. Н. Современная детская литература в политически корректном дискурсе: лингвоаксиологический аспект // Сибирский филологический журнал. 2019. № 4. С. 155–167.
9. Комиссаров В. Н. Теория перевода (лингвистические аспекты). М. : Высшая школа, 1990. 253 с.
10. Кушнина Л. В., Пылаева Е. М. Экология перевода: современные тенденции и подходы // Вестник Пермского университета. 2014. № 2 (26). С. 70–76.
11. Осокина С. А. Проблемы лингвоэкологии в аспекте теории языка // Межкультурная коммуникация и СМИ : сб. науч. статей / под ред. О. С. Саланиной. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2019. С. 60–65.

12. Руднев В. П. Винни Пух и философия обыденного языка. М. : Аграф, 2000. 320 с.
13. Сковородников А. П. О предмете эколлингвистики применительно к состоянию современного русского языка // *Экология языка и коммуникативная практика*. 2013. № 1. С. 205–233.
14. Стайнер Дж. После Вавилонского смешения: Вопросы языка и перевода. М. : МЦНМО, 2020. 645 с.
15. Тер-Минасова С. Г. Политическая корректность, или языковой такт // Тер-Минасова С. Г. Язык и межкультурная коммуникация. М. : МГУ им. М. В. Ломоносова, 2000. URL: <http://www.ffl.msu.ru/research/publications/ter-minasova-lang-and-icc/ter-minasova-yazik-i-mkk-BOOK.pdf> (дата обращения: 31.03.2022).
16. Харт К. Постмодернизм. М. : ФАИР-ПРЕСС, 2006. 272 с.
17. Чуковский К. И. Высокое искусство. СПб. : Авалонъ, Азбука-Аттикус, 2011. 448 с.
18. Эко У. Поиски совершенного языка в европейской культуре. СПб. : Александрия, 2007. 423 с.
19. Baudrillard J. *Selected Writings*. Stanford : Stanford University Press, 1988. 230 p.
20. Berman A. *La retraduction comme espace de la traduction* // *Palimpsestes*. 1990, no. 4. P. 1–8.
21. Lyotard J.-F. *The Postmodern Condition: A Report on Knowledge*. Translation from the French by Geoff Bennington and Brian Massumi Foreword by Fredric Jameson. Minneapolis : the University of Minnesota, 1984. 110 p.
22. Moller D. Dilemmas of Political Correctness // *Journal of Practical Ethics*. 2016. Vol. 4. Issue 1. URL: <http://philarchive.org/archive/MOLDOP> (дата обращения: 02.04.2022)
23. Wikström P. No one is “pro-politically correct”: Positive construals of political correctness in Twitter conversations // *Nordic Journal of English Studies*. 2016, no. 15 (2). P. 159–170.

References

1. Bojmatov UF. The levels and forms of glocalization in the social process of globalization. *Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Serija: Filosofija = Bulletin of Voronezh State University. Issue: Philosophy*. 2018;(4(30):104-110 (In Russ.).
2. Breus EV. *Osnovy teorii i praktiki perevoda s russkogo yazyka na anglijskij = The basics of theory and practice of translation: a manual*. Moscow: URAO; 2000. 208 p. (In Russ.).
3. Eropkinskij P. Text lifting: more than translation. *Mosty = The Bridges*. 2015;(2(46):75-77. (In Russ.).
4. Karasik VI. *Yazykovye mosty ponimaniya = Language bridges of understanding*. Moscow: Diskurs; 2019. 524 p. (In Russ.).
5. Karpukhina VN. A postmodernist translator’s discourse. In: *Lomonosovskie chteniya na Altae: fundamental’nye problemy nauki i tehniki — 2018 = Lomonosov’s Readings in Altai: The fundamental problems of science and technology — 2018*. Barnaul: Altai State University Publishing; 2018. Pp. 1952–1956. (In Russ.).
6. Karpukhina VN. Pod «Veselym Rodzherom» postmodernizma: aksiologiya intertekstov Borisa Akunina = Under “The Jolly Roger” of postmodernism: intertextual axiology of Boris Akunin. Barnaul: Altai State University Publishing; 2020. 148 p. (In Russ.).
7. Karpukhina VN. Functioning of a contemporary translator’s discourse: language ecology aspect. In: *Chelovek i yazyk v kommunikativnom prostranstve: sbornik nauchnyh statej = A person and a language in the communicative space*. Krasnoyarsk: Siberian Federal University Publishing; 2022. Iss. 13 (22). Pp. 222–227.
8. Karpukhina VN. Contemporary children’s literature in the politically correct discourse: axiological linguistic aspect. *Sibirskij filologicheskij zhurnal = Siberian Journal of Philology*. 2019;(4):155-167. (In Russ.).
9. Komissarov VN. *Teoriya perevoda (lingvisticheskie aspekty) = Theory of translation (linguistic aspects)*. Moscow: Vysshaya shkola; 1990. 253 p. (In Russ.).
10. Kushnina LV, Pylaeva EM. Ecology of translation: contemporary trends and aspects of study. *Vestnik Permskogo universiteta = Bulletin of Perm’ State University*. 2014;(2(26):70-76. (In Russ.).
11. Osokina SA. Problems of linguoecology in the aspect of language theory. In: *Mezhkul’turnaja kommunikacija i SMI = Intercultural communication and mass media*. Barnaul: Altai State University Publishing; 2019. Pp. 60–65. (In Russ.).
12. Rudnev VP. *Vinni Puh i filosofiya obydenного yazyka = Winnie-the-Pooh and the philosophy of everyday speech*. Moscow: Agraf; 2000. 320 p. (In Russ.).
13. Skovorodnikov AP. About the subject of language ecology in the contemporary Russian language. *Ekologija jazyka i kommunikativnaja praktika = Language ecology and communication practice*. 2013;(1):205-233. (In Russ.).

14. Steiner G. *Posle Vavilonskogo smesheniya: Voprosy yazyka i perevoda = After Babel: Aspects of language and translation*. Moscow: MCNMO; 2020. 645 p. (In Russ.)
15. Ter-Minasova SG. Political correctness, or language tact. In: Ter-Minasova SG. *Language and cross-cultural communication*. Moscow: MSU Publ.; 2000. Available from: <http://www.fl.msu.ru/research/publications/ter-minasova-lang-and-icc/ter-minasova-yazik-i-mkk-BOOK.pdf> (accessed: 31.03.2022). (In Russ.)
16. Hart K. *Postmodernizm = Postmodernism*. Moscow: FAIR-PRESS; 2006. 272 p. (In Russ.)
17. Chukovskij KI. *Vysokoe iskusstvo = The high art*. St. Petersburg: Avalon, Azbuka-Attikus; 2011. 448 p. (In Russ.)
18. Eco U. *Poiski sovershennogo yazyka v evropejskoj kul'ture = The search for the ideal language in European culture*. St. Petersburg: Aleksandrija; 2007. 423 p. (In Russ.)
19. Baudrillard J. *Selected Writings*. Stanford: Stanford University Press; 1988. 230 p.
20. Berman A. *La retraduction comme espace de la traduction. Palimpsestes*. 1990;(4):1-8. (In French)
21. Lyotard J.-F. *The Postmodern Condition: a Report on Knowledge*. Tr. from the French by Geoff Bennington and Brian Massumi. Foreword by Fredric Jameson. Minneapolis: the University of Minnesota; 1984. 110 p.
22. Moller D. Dilemmas of Political Correctness. *Journal of Practical Ethics*. 2016;(4(1)). URL: <http://philarchive.org/archive/MOLDOP> (accessed: 02.04.2022).
23. Wikström P. No one is “pro-politically correct”: Positive construals of political correctness in Twitter conversations. *Nordic Journal of English Studies*. 2016;(15(2)):159-170.

Информация об авторах

В. Н. Карпухина — доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры лингвистики, перевода и иностранных языков.

С. А. Осокина — доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры лингвистики, перевода и иностранных языков.

Е. А. Савочкина — кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры лингвистики, перевода и иностранных языков.

Information about the authors

Viktoriya N. Karpukhina — Dr. Sci. (Philology), Associate Professor, Professor of the Department of Linguistics, Translation and Foreign Languages.

Svetlana A. Osokina — Dr. Sci. (Philology), Associate Professor, Professor of the Department of Linguistics, Translation and Foreign Languages.

Elena A. Savochkina — Cand. Sci. (Philology), Assistant Professor, Assistant Professor of the Department of Linguistics, Translation and Foreign Languages.

Статья поступила в редакцию 22.04.2022; одобрена после рецензирования 15.09.2022; принята к публикации 12.08.2023.

The article was submitted 22.04.2022; approved after reviewing 15.09.2022; accepted for publication 12.08.2023.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

The authors declare no conflicts of interests.